

НОВАЯ ВСТРЕЧА

ТЕАТР С А Б А Е М

ядра по закону предков должно принадлежать брату ее умершего мужа. А она полюбила другого...

В. Ахрамеев очень точно играет этот переход от мысли — к действию. Только что возник перед нами человек, погруженный, казалось бы, в какие-то отдаленные размышления... Но вот он уже на вершине холма, и возмущенный гул толпы разрезает его твердые слова: «Я заступник». По тому же стелению обычно жесткая расправа Уме не может состояться. Вопрос о виновности, о жизни или смерти двоюды и ее возлюбленного должен решать родовой суд.

Всего два слова: «Я заступник». Произнос их, Абай отдает себе отчет, какие трудные последствия для него они влекут. Но не жалеет он и не встает на защиту того, что считает справедливым. С этого и начинаются все события, свидетелем которых становится зритель. В поле его зрения — главный герой, его отношение к людям, участвующим в этой истории, и отношение людей к нему.

Мне кажется, что В. Ахрамеев удалось передать в характере Абая очень важный оттенок: он обладает той высшей мудростью, которая позволяет ему даже в ожесточенной борьбе со своими недругами, даже среди тех несчастий, которые обрушились на его голову, стоять выше мелочной вражды.

В дела влюбленных, преступивших закон предков, он выступает за право человека устроить жизнь по своему усмотрению, за право любить по выбору сердца, и всем своим влюбленным, своим словом, к которому прислушиваются и степи, он утверждает: кто не ищет новой дороги, тот обрекает сам себя бесцельно блуждать, возвращаясь к собственным следам.

Ничто не может заставить Абая отказаться от своих убеждений, и эту его решимость В. Ахрамеев естественно и ненавязчиво проявляет во всех важнейших сценах: и в ту минуту, когда гибнет молодой поэт Абад — его воспитанник, его гордость и надежда; и после смерти сына; и даже в тот момент, когда выясняется, что его давний предок родственник, тоже поэт, которого Абай, несмотря на все его заблуждения, все же считал другом и помощником.

Здесь и дальше я перескажу эти события, не боюсь снизить интерес к спеленталу у тех, кто его еще не видел. Сопоставлю эти и так широко известные эпосы М. Ауэзова, названной с полным правом энциклопедией казахской жизни.

Есть в театре поговорка: короля должно играть его окружение. Если слово акорьялы отнести к главному герою, то надо сказать, что А. Медведский и весь постановочный коллектив приложили немало усилий к тому, чтобы создать в спектакле достоверную обстановку, острее выявить конфликт между заступниками замшелой старины и Абаем с его близким по духу людьми. Во многом этому способствовал талантливый И. Балхожин. Он нашел неповторимый облик авбазского аула, и сейчас уже невозможно представить себе спектакль без холма с одино-

ким деревом на вершине, где совершаются все важнейшие события.

Откровенно противостоят Абая непримиримым Эрдем, глава рода тобыты. Его очень достоверно и темпераментно играет Л. Боксерман. Во всех делах безоговорочно поддерживает Эрдема родовой судья Жиренше, давний враг Абая. Артист М. Любичев без нажима, без ложных преувеличений создает образ человека, который перед тем, как остановиться в стремлении убрать с дороги Абая и его семью. И как же выкинет и Нарынбай, тот семей, которому дорога была достаться в жены молодая двоюда. Г. Самойлин в этой роли также находит верные штрихи для недалекого человека, который в своей слепой ненависти готов сам познать ржму на поэте поэтов.

Несомненно не менее значительна антерская работа Л. Боксермана, М. Любичева, Г. Самойлина, в которой отменяется, что еще более сложная задача стояла перед В. Ивановым в роли Керима.

Керим умнее и дальновиднее открытых врагов и ненавистников. Он с негодованием отвергает предложение подсыпать яд Абая, родному брату его родного отца. Абай мучит Керима именем слова великого поэта должно служить делу и слава, который, как глубоко убежден Керим, только и может удержать народ в повиновении.

Со мной могут не согласиться — но павсы, и сожаление, стареет быстрее, чем, скажем, книги. И кое-что в линии Керима может нам сегодня показаться слишком прямолинейным. Но все его поступки и мысли исполнены роли В. Иванова исполняет живым конкретным человеческим содержанием, и его Керим очень важен для образа Абая, для всей идейной сущности спектакля.

Хорошо еще, что сам Абай (и в этой сцене В. Ахрамеев дает нам понять, что для его героя мысль об искажении его заветов страшнее, чем мысль о смерти) успевае разгадать далеко идущие замыслы своего племянника и лишает того права быть удуперкачиком.

Одинокое дерево на вершине холма, поставленное художником, вовсе не олицетворяет одиночества главного героя. Правда не бывает одинока. В беззельной степи — какой же всадник не остановится в тени зеленой кроны!..

Так и к Абая тянутся люди. И первым делом — его верная байыше, его Еркежан. По тексту роли не так уж много слов отпущено В. Харламовой. Но она создает полнокровный образ женщины, достойной Абая. Кто бы из аульных мужчин семьдесят-восемьдесят лет назад стал интересоваться: разделает ли жене твои мысли, обрывает ли поступки! Абая такая поддержка нужна. И в лице Еркежан, такой представляет нам последнюю жену поэта актриса В. Харламова, она всегда поддержит и меня.

Меня, пусть младшего, но друга. Органично звучит у него заветное предложение на ступень гад романтичная история о родовой вражде (Абад и Мотекши, которая привела и гибели Ромео и Джульетты. По своему рассказу он, как жили два юноши, и «Селтеры» за бесбармаком, из зависти отравил «Машира».

Меняше позволило, на мой взгляд, Абаду — тому самому лично, незлобному анониму себя событий. Артист В. Гудатин в любовных сценах ни бы со стороны наблюдает за своим героем, действуя в условно-традиционной для восточной поэзии манере «сопоставляя и прозя». А ведь тут — жинье с рассти, являя судьбу. Хотелось бы видеть его более свободным (пусть и при определенных средствах выражения) и в те моменты, когда происходит рождение кромольной песни. Он должен быть более значительным, как поэт, чтобы яснее стало, почему такие надежды возлагал на него Абай, и почему у конце концов Абад постигнул участь «Машира», о котором рассказывает Кокпай.

Артист П. Дубовцев играет в спектакле Федора Иванова Долгоголова, русского полнорасного сыпьяного, старинного друга Абая. К сожалению, образ этот остается как бы безличным персонажем, подчеркивающим связь Абая с первыми русскими людьми того времени. Он как-то холоден и расщеплен — вопреки драматургическому материалу. А полнорасный человек — выглядет не вполне достоверным. Как Долголова, человек, свободно разговаривающий по-казаки, отлично знающий культуру и уклад жизни народа, не стал бы — пусть и потешески — похваливать взрослую девушку, да еще не глаза ее жениха.

Релиссер-постановщик А. Медведский ангове сделал для того, чтобы создать обстановку спектакля. Но вот в этой сцене суда на холме, в мастерской сцене, где присутствуют не только старинники Абая, но и люди Эрдема, явно не затает напряжения в единовременности (и словесном, а может быть, и действенном), чтобы в конце концов торжественная правда Абая, его побед.

В разговоре о таком многогранном и многолюдном спектакле трудно проследить все его линии, взаимоотношения действующих лиц и постараться определить характер их исполнения. Надо было подробнее сказать, например, о этой и бесцердечной Ханике — том, как играют ее — каждая по-своему — артистки Д. Майзель и Н. Трофимова. И о том, каким убедительным выглядит старик Сыртпан, главный судья и хранитель родовых обычаев, в исполнении Ю. Шаповалова.

Но ведь пьеса М. Ауэзова и Л. Соболева называется «Абай». И спектакль театра имени М. Ю. Лермонтова называется «Абай». Творческому коллективу удалось создать некое сценическое произведение о большом поэте и мыслителе, добром и мудром человеке, который хорошо знал: нельзя, чтобы целый народ покорно шагал след в след.

Алексей БЕЛЯНИНОВ.

92 НОЯ 1987